

**ПСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ
ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫЙ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК**

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР

**АРХЕОЛОГИЯ
И ИСТОРИЯ ПСКОВА
И ПСКОВСКОЙ ЗЕМЛИ
1989**

**Тезисы докладов
научно-практической конференции**

Псков 1990

Д

ПСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ
ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫЙ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР

АРХЕОЛОГИЯ
И ИСТОРИЯ ПСКОВА
И ПСКОВСКОЙ ЗЕМЛИ
1989

Тезисы докладов
научно-практической конференции

Ответственный редактор:
доктор исторических наук, профессор
В. В. СЕДОВ

Псков 1990

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ПСКОВА

И. К. Лабутина (Псков). Псковская берестяная грамота № 6	5
И. О. Колосова (Псков). Комментарий к псковской берестяной грамоте № 7	6
Т. Ю. Закурина (Псков). Железообрабатывающий комплекс в Среднем городе Пскова	9
С. Э. Козлов (Псков). Топография изделий из стекла из раскопок Пскова	12
Г. В. Круглова (Москва). Институт церковных старост в Пскове	13
В. В. Седов (Москва). Церковь Воскресения на Стадище в Пскове	15
В. В. Седов (Москва). Дмитровский собор в Гдове и церковь Петра и Павла с Буя в Пскове	17
К. М. Плоткин (Псков). О датировке палат Меншиковых на Романовой горке	19
В. И. Кильдюшевский (Ленинград). Следы производства изразцов в Пскове в XVII в. (по материалам раскопа на ул. Советской, 47)	22

ПСКОВСКАЯ ЗЕМЛЯ И ЕЕ СОСЕДИ

В. В. Седов (Москва). Топоним Изборск	24
К. М. Плоткин (Псков). Об Изборске-Исборге на р. Исе	27
Б. Н. Харлашов (Псков). Керамика псковских погостов	28
С. Л. Кузьмин (Ленинград). Которский погост (археологическая характеристика микрорегиона в конце I — начале II тыс. н. э.)	29
А. А. Александров (Псков). Щиглицкие сопки	31
С. Г. Попов (Ленинград). Радиоуглеродное датирование археологических памятников второй половины I тыс. н. э. на Северо-Западе	33
Г. В. Томашевич (Москва). О краниологической неоднородности населения Новгородской земли	35
П. Д. Малыгин, А. М. Салимов (Калинин). Исследования Борисоглебского монастыря в Торжке	37
П. Д. Малыгин, А. Б. Александров (Калинин). Мастерская по обработке глинистого сланца в древнем Торжке	39
Ф. Х. Арсланова (Калинин). Погребальные сооружения кривичей у села Избрижье	41
Д. А. Петров, В. В. Седов (Москва). Каменное строительство в Новгородской земле последней четверти XVI в.	43
Д. А. Петров (Москва). О церкви Федора Стратилата на Щирковой улице в Новгороде	45
Д. А. Петров (Москва). К вопросу о бесстолпных купольных конструкциях в архитектуре Новгорода XVI в.	48
П. А. Секретарь (Новгород). Новгородские церкви с трапезными XVI в.	50
А. Л. Баталов (Москва). Архитектура годуновского времени в Тихвинском Успенском монастыре	51
Г. Н. Семенчук (Минск). Формирование границ Полоцкой земли в XI в.	53
О. А. Заяц (Минск). Об одной группе погребений Заславского курганного могильника	55
Д. Н. Левко, Ю. В. Колосовский (Минск). Новые данные о памятниках железного века Северо-Восточной Белоруссии	57
В. Даугудис (Вильнюс). Городища Литвы первых веков нашей эры	59

- В. Даугудис (Вильнюс). Городища Литвы V—VIII вв. н. э. 61
 И. Генис (Клайпеда). Очаги и печи в Западной Литве (XIV—XVI вв.) 63

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

- В. И. Шадыро (Минск). Железный век северной Белоруссии в исследованиях А. Г. Митрофанова 66
 С. Е. Рассадин (Минск). Среднебелорусский вариант милоградской культуры или памятники типа нижних слоев Лабенщины? 68
 А. Б. Лухтан (Вильнюс). Грунтовой могильник латенской эпохи в Кярнаве 70
 В. Шименас (Вильнюс). Великое переселение народов и балты 72
 З. М. Сергеева (Москва). Сердоликовые бусы Западнорусских земель (по материалам памятников X—XIII вв. Днепро-Двинского междуречья) 74
 А. А. Метельский (Минск). Происхождение городов Белорусского Посожья 76
 П. Н. Травкин (Иваново). Средневековый Плес 78
 Н. И. Немцова (Владимир). Исследование архитектуры русских печей, облицованных рамочными изразцами 80
 Н. И. Немцова (Владимир). Об эволюции архитектуры русских изразцовых печей XVII—XVIII веков 81
 О. В. Овсянников, Т. А. Чюкова (Ленинград). Северные каменные и деревянные кресты XVIII—XIX вв. 83
 Я. Г. Риер (Могилев). Средневековая деревня междуречья Рейна и Одера в археологических исследованиях 85

ПСКОВСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

- В. В. Седов (Москва). Псковская экспедиция в 1989 г. 88
 К. М. Плоткин, С. В. Степанов (Псков). Раскоп X на ул. Ленина 90
 Т. Ю. Закурина (Псков). Раскоп XI на ул. Ленина 91
 И. О. Колосова (Псков). Раскоп XIII на ул. Ленина 93
 Т. Е. Ершова, С. В. Степанов (Псков). Некоторые итоги археологических раскопок в районе ул. Детской 95
 М. И. Новикова (Псков). Раскопки в Запсковье на ул. О. Кошевого 97
 В. И. Кильдюшевский, С. В. Белецкий (Ленинград). Раскопки на ул. Первомайской 99
 Н. В. Лопатин, А. В. Яковлев (Москва). Исследования вала Изборского городища 100
 Б. Н. Харлашов (Псков). Исследования селища в Выбутах 101
 Б. Н. Харлашов (Псков). Разведка в центральных районах Псковской земли 103

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ПСКОВА

И. К. Лабутина (Псков). Псковская берестяная грамота № 6	5
И. О. Колосова (Псков). Комментарий к псковской берестяной грамоте № 7	6
Т. Ю. Закурина (Псков). Железообрабатывающий комплекс в Среднем городе Пскова	9
С. Э. Козлов (Псков). Топография изделий из стекла из раскопок Пскова	12
Т. В. Круглова (Москва). Институт церковных старост в Пскове	13
В. В. Седов (Москва). Церковь Воскресения на Стадище в Пскове	15
В. В. Седов (Москва). Дмитровский собор в Гдове и церковь Петра и Павла с Буя в Пскове	17
К. М. Плоткин (Псков). О датировке палат Меншиковых на Романовой горке	19
В. И. Кильдюшевский (Ленинград). Следы производства изразцов в Пскове в XVII в. (по материалам раскопа на ул. Советской, 47)	22

ПСКОВСКАЯ ЗЕМЛЯ И ЕЕ СОСЕДИ

В. В. Седов (Москва). Топоним Изборск	24
К. М. Плоткин (Псков). Об Изборске-Исборге на р. Исе	27
Б. Н. Харлашов (Псков). Керамика псковских погостов	28
С. Л. Кузьмин (Ленинград). Которский погост (археологическая характеристика микрорегиона в конце I — начале II тыс. н. э.)	29
А. А. Александров (Псков). Щиглицкие сопки	31
С. Г. Попов (Ленинград). Радиоуглеродное датирование археологических памятников второй половины I тыс. н. э. на Северо-Западе	33
Т. В. Томашевич (Москва). О краниологической неоднородности населения Новгородской земли	35
П. Д. Малыгин, А. М. Салимов (Калинин). Исследования Борисоглебского монастыря в Торжке	37
П. Д. Малыгин, А. Б. Александров (Калинин). Мастерская по обработке глинистого сланца в древнем Торжке	39
Ф. Х. Арсланова (Калинин). Погребальные сооружения кривичей у села Избрижье	41
Д. А. Петров, В. В. Седов (Москва). Каменное строительство в Новгородской земле последней четверти XVI в.	43
Д. А. Петров (Москва). О церкви Федора Стратилата на Щирковой улице в Новгороде	45
Д. А. Петров (Москва). К вопросу о бесстолпных купольных конструкциях в архитектуре Новгорода XVI в.	48
Л. А. Секретарь (Новгород). Новгородские церкви с трапезными XVI в.	50
А. Л. Баталов (Москва). Архитектура годуновского времени в Тихвинском Успенском монастыре	51
Г. Н. Семенчук (Минск). Формирование границ Полоцкой земли в XI в.	53
Ю. А. Заяц (Минск). Об одной группе погребений Заславского курганного могильника	55
О. Н. Левко, Ю. В. Колосовский (Минск). Новые данные о памятниках железного века Северо-Восточной Белоруссии	57
В. Даугудис (Вильнюс). Городища Литвы первых веков нашей эры	59

В. Даугудис (Вильнюс). Городища Литвы V—VIII вв. н. э.	61
И. Генис (Клайпеда). Очаги и печи в Западной Литве (XIV—XVI вв.)	63

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

В. И. Шадыро (Минск). Железный век северной Белоруссии в исследованиях А. Г. Митрофанова	66
С. Е. Рассадин (Минск). Среднебелорусский вариант милоградской культуры или памятники типа нижних слоев Лабенщины?	68
А. Б. Лухтан (Вильнюс). Грунтовой могильник латенской эпохи в Кярнаве	70
В. Шименас (Вильнюс). Великое переселение народов и балты	72
З. М. Сергеева (Москва). Сердоликовые бусы Западнорусских земель (по материалам памятников X—XIII вв. Днепро-Двинского междуречья)	74
А. А. Метельский (Минск). Происхождение городов Белорусского Посожья	76
П. Н. Травкин (Иваново). Средневековый Плес	78
Н. И. Немцова (Владимир). Исследование архитектуры русских печей, облицованных рамочными изразцами	80
Н. И. Немцова (Владимир). Об эволюции архитектуры русских изразцовых печей XVII—XVIII веков	81
О. В. Овсянников, Т. А. Чюкова (Ленинград). Северные каменные и деревянные кресты XVIII—XIX вв.	83
Я. Г. Риер (Могилев). Средневековая деревня междуречья Рейна и Одера в археологических исследованиях	85

ПСКОВСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

В. В. Седов (Москва). Псковская экспедиция в 1989 г.	88
К. М. Плоткин, С. В. Степанов (Псков). Раскоп X на ул. Ленина	90
Т. Ю. Закурина (Псков). Раскоп XI на ул. Ленина	91
И. О. Колосова (Псков). Раскоп XIII на ул. Ленина	93
Т. Е. Ершова, С. В. Степанов (Псков). Некоторые итоги археологических раскопок в районе ул. Детской	95
М. И. Новикова (Псков). Раскопки в Запсковье на ул. О. Кошевого	97
В. И. Кильдюшевский, С. В. Белецкий (Ленинград). Раскопки на ул. Первомайской	99
Н. В. Лопатин, А. В. Яковлев (Москва). Исследования вала Изборского городища	100
Б. Н. Харлашов (Псков). Исследования селища в Выбутах	101
Б. Н. Харлашов (Псков). Разведка в центральных районах Псковской земли	103

И. К. Лабутина

ПСКОВСКАЯ БЕРЕСТЯНАЯ ГРАМОТА № 6

Сезон 1988 г. в Пскове отмечен, среди других открытий, находкой в раскопе на ул. Ленина трех берестяных грамот. Теперь псковская коллекция берестяных грамот насчитывает восемь памятников письменности.

Грамота № 6 найдена, как и грамота № 7, на раскопе XIII. Все раскопы на ул. Ленина, начиная с 1968 г., содержат в культурном слое остатки средневековой жилой застройки, представленной срубам, хозяйственными помещениями, вымостками, дворовыми огородами в виде частоколов. В таких отложениях была найдена и грамота № 6 (кв. 581, пл. 14, глуб. — 277 см). Она сохранилась полностью. Прямоугольный кусок бересты с текстом имеет длину 20,5—20,9 см при ширине 4,1—4,4 см. Грамота была свернута в трубочку текстом внутрь. Текст — шестистрочный, без разделения на слова. Шестая строка неполная. На оборотной стороне грамоты — две поперечные зигзагообразные линии. Привожу текст грамоты с разделением на слова и соблюдением строчек оригинала:

Кюрика и Герасима к Ано мому. Про белоу.
 Оже не стороговале, то прислите со проста, занода оу насо коупла

А есте беле. А про себе. Оже боудше порошне, то боу ди к намо. А намо
 Ксино оноте измакле. А про сеи чело веко: мы

го не зна мо; а во томо боже вол и тво

Стратиграфические наблюдения позволяют отнести грамоту к 9 ярусу, не исключая возможности незначительных перемещений в сторону 10 и 8 ярусов. 9 ярус имеет предварительную дату — середина XIII в. Дендроопределения получены пока только для двух бревен 9 яруса (1261, 1262 гг.). Стратиграфическая дата определяется как XIII в., скорее его середина.

В грамоте 52 слова, 207 основных графем, которые представляют 29 букв (17 согласных, 10 гласных, 1 слабый редуцированный, 1 лигатура). Тексту свойственна композиционная выдержанность (поля слева, соблюдение горизонтальности строк). Небольшая разница в высоте букв отражает, вероятно, беглость письма. Комплекс палеографических признаков не противоречит стратиграфической дате, хотя ряд признаков имеет довольно широкий хронологический диапазон. Палеографическая особенность, указывающая на более поздний отрезок времени в XIII в. — одна из

моделей V, по наблюдениям А. А. Зализняка свойственная письму новгородских берестяных грамот лишь с конца XIII или на рубеже XIII—XIV вв.

Перевод грамоты: «От Кюрика и от Герасима к Анфиму. О беличьих шкурках. Если вы еще не сторговали, то пришлите сюда немедленно, потому что у нас (здесь) есть спрос на беличьи шкурки. О тебе. Если будешь свободен, то приезжай к нам; (дело в том, что) нам Ксинофонт напортил. Об этом человеке: мы его не знаем; а в том воля божья и твоя».

По количеству слов находка относится к группе больших берестяных грамот и является самой большой в группе псковских грамот. Ее жанр — частное письмо делового характера.

Кюрик, Герасим и Анфим, судя по тексту, были связаны общими деловыми операциями, в конкретном случае — торговыми. Вероятно, здесь мы имеем пример складничества, известного по новгородским берестяным грамотам и другим источникам (Рядная Тешаты, XIII в.). Отношения складничества присущи, как показала Е. А. Рыбина, разным социальным группам (профессиональные купцы, феодалы, крестьяне, ростовщики).

В грамоте № 6 впервые среди этого рода источников встречен сюжет, отразивший торговлю беличьими шкурками. Русская пушнина в XIII в. имела большой спрос в Европе, особенно в Англии (А. Л. Хорошкевич). Скряга IV редакции (XIV в.) называет Псков среди городов, на которые распространяется регламентация в торговле пушниной. Найденная грамота называет псковичей-торговцев этим товаром для XIII в. По-видимому, белка поступала к феодалам в виде оброка (натурального) и через них попадала на рынок.

Анфим, адресат письма был скорее всего хозяином двора, в границах которого найдена грамота. Место отправления грамоты точно не устанавливается. Им могли быть места, куда, по тексту IV Скряги, имели обыкновение ездить для торговли русские (Новгород, Полоцк, Рига, Дерпт, Ревель, Феллин, Готланд).

И. О. Колосова

КОММЕНТАРИЙ К ПСКОВСКОЙ БЕРЕСТЯНОЙ ГРАМОТЕ № 7

Грамота № 7 найдена в 1988 г. (раскоп XIII по ул. Ленина, кв. 574, пл. 14, глуб. 271 см). Грамота сохранилась полностью; ее длина 14,5—14,9 см, ширина 4,6—5,11 см. Текст шестистрочный:

ПКЛОНО СТЕПАНАКВАЦЮТЕ

ЧТОЕСНВЗ ЛЕСУКНАТОГОПО

ЛОЖЕНОАББННАТОБЕВЛОЖН
ЕГОВЛОДНЮАБОРЗЕАТВОРНСВО
НМЫСУКНОМОАЦТОБУДЕТЕНАН
МАМЫСЕВЕДАЕМОЦТО

Окончательный вариант перевода грамоты предложен А. А. Зализняком: «Поклон от Степана к Вацюте. Что ты взял из того сукна (или: что касается сукна, которое ты взял), (в этом) я полагаюсь на бога и на тебя. Спешно погрузи его на ладью. При этом объяви (или: считай) его своим сукном (или: выдай его за свое). А что касается платы (за это, т. е. комиссионных), то мы это знаем (или: мы договоримся)».

Целью доклада является рассмотрение исторических реалий, содержащихся в тексте грамоты. Некоторые из источников, привлекаемых при анализе этих реалий, пока мало использовались при изучении истории средневекового Пскова.

Найм в грамоте № 7 выступает в качестве платы за перевозку и, возможно, реализацию товара (т. е. комиссионных). Сведения о найме и лицах, работавших по найму — наймитам представлены в источниках XII—начала XVI в.; укажем здесь на сходные ситуации, зафиксированные Пространной редакцией Русской Правды, договором Смоленска с Ригой 1229 г., Псковской судной грамотой, новгородской берестяной грамотой № 609, грамотой новгородского наместника в Колывань. По мнению А. Л. Шапиро, наемный труд в Древней Руси использовался представителями непривилегированных слоев, не имевших возможности применять труд подневольных, он использовался как дополнение к труду семьи. Феодалы использовали наемный труд только в тех случаях, когда им не хватало принудительных работников. По мнению Ю. Г. Алексеева, между наймитом и государем Псковской судной грамоты нет социальной пропасти.

Псковские берестяные грамоты №№ 6, 7 найдены в одном дворе, обе датируются последней третью XIII в. Анфим — адресат грамоты № 6 — являлся, скорее всего, владельцем двора. В Вацюте, работавшем по найму, можно видеть или младшего родственника хозяина двора, или же посетителя двора, выполнявшего какие-то поручения хозяина.

Площадь двора, в котором найдены грамоты, около 200 кв. м. Постройки на его территории относятся ко времени не ранее первой половины XIII в., причем, планировка двора оставалась стабильной вплоть до начала XVI в. Находки, относящиеся к XIII в., свидетельствуют о занятии хозяев двора торговлей: кроме грамот, об этом можно судить по находкам монеты конца XIII в., чеканенной в Германии, а также фрагментов рейнской керамики, янтаря. Из слоев XIV—XV вв. происходят находки трех вислых свинцовых печатей, а также заготовки печати. Таким образом, владельцы двора — первоначально «черные люди»; со временем они повысили свой социальный статус, возможно, приобрели землю и могли к 70-м гг. XV в. перейти в категорию житейх.

Поспешность и таинственность порученной Вацюте операции могла быть вызвана угрозой конфискации у Степана товара, взя-

моделей V, по наблюдениям А. А. Зализняка свойственная письму новгородских берестяных грамот лишь с конца XIII или на рубеже XIII—XIV вв.

Перевод грамоты: «От Кюрика и от Герасима к Анфиму. О беличьих шкурках. Если вы еще не сторговали, то пришлите сюда немедленно, потому что у нас (здесь) есть спрос на беличьи шкурки. О тебе. Если будешь свободен, то приезжай к нам; (дело в том, что) нам Ксинофонт напортил. Об этом человеке: мы его не знаем; а в том воля божья и твоя».

По количеству слов находка относится к группе больших берестяных грамот и является самой большой в группе псковских грамот. Ее жанр — частное письмо делового характера.

Кюрик, Герасим и Анфим, судя по тексту, были связаны общими деловыми операциями, в конкретном случае — торговыми. Вероятно, здесь мы имеем пример складничества, известного по новгородским берестяным грамотам и другим источникам (Рядная Тешаты, XIII в.). Отношения складничества присущи, как показала Е. А. Рыбина, разным социальным группам (профессиональные купцы, феодалы, крестьяне, ростовщики).

В грамоте № 6 впервые среди этого рода источников встречен сюжет, отразивший торговлю беличьими шкурками. Русская пушнина в XIII в. имела большой спрос в Европе, особенно в Англии (А. Л. Хорошкевич). Скра IV редакции (XIV в.) называет Псков среди городов, на которые распространяется регламентация в торговле пушниной. Найденная грамота называет псковичей-торговцев этим товаром для XIII в. По-видимому, белка поступала к феодалам в виде оброка (натурального) и через них попадала на рынок.

Анфим, адресат письма был скорее всего хозяином двора, в границах которого найдена грамота. Место отправления грамоты точно не устанавливается. Им могли быть места, куда, по тексту IV Скры, имели обыкновение ездить для торговли русские (Новгород, Полоцк, Рига, Дерпт, Ревель, Феллин, Готланд).

того у кого-либо в долг; сведения о таких конфискациях есть в Пространной редакции Русской Правды, договоре Смоленска с Ригой 1229 г., Новгородской Скре (III и IV редакции). В последнем источнике идет речь об обысках с целью возвращения украденного товара, и кроме того, купцы предостерегаются от того, чтобы давать в долг товары или другое имущество.

Сукно, о котором идет речь в грамоте № 7, скорее всего, было привозным; на это указывает связь владельцев двора с западноевропейской торговлей, а также то, что автор грамоты дорожит этим имуществом. Сукна различного качества ввозились на Русь из Англии, Фландрии, Германии (А. Л. Хорошкевич). Причем, сукно, о котором идет речь в грамоте № 7, могло быть отнято у немецких купцов во время одного из ограблений, сведения о которых содержатся в документах из Любекского городского архива. Наиболее полно эти документы были опубликованы Г. Сарториусом (1830). Отметим, что ущерб, нанесенный немецким купцам, исчисляется в этих документах в основном в марках серебра; но есть указания на то, что грабители отнимали также воск, меха, ткани. Особенно интересны свидетельства об ограблениях немецких купцов в 1297 (или 1292) и 1300 г.: в них есть прямые указания на утрату немецкими купцами тканей и других товаров в Псковской земле, в том числе — «в водах Узы». Путь из Пскова в Новгород по Великой, Черехе, Узе, Шелони и оз. Ильмень известен по сообщениям новгородских и псковских летописей. Микротопонимия междуречья Узы и Черехи указывает на существование здесь волоков (деревни Большой и Малый Волочек, Погиблово-Волокино). С ограблением немецких купцов в этом регионе связан и публикуемый Г. Сарториусом список псковичей (и, вероятно, новгородцев). Этот список содержит 27 имен, он сохранился на обороте составленного в 1335 г. перечня претензий ганзейских купцов к русским (и особо — к псковичам). Среди топонимов в списке встречаются Сланкани (Slankani), Демяница (Djminissa). Эти пункты могут быть отождествлены с современным с. Славковичи, известным по писцовой книге 1585—1587 гг., и с Демяницей летописного известия 1408 г. и той же писцовой книги. Упомянутая в списке «вотчина (деревня) псковской княгини» может быть отождествлена с известной по писцовой книге 1585—1587 г. пустошью Княгинина Лука (в излучине р. Черехи). В списке дважды названо имя Степан, но данных для отождествления одного из этих Степанов с автором грамоты № 7 недостаточно.

Таким образом, срочность и таинственность порученной Вацюте операции (вывоз и, возможно, реализация товара за плату-найм) могла быть обусловлена причастностью автора грамоты к одному из ограблений немецких купцов, известных по документам конца XIII — первой трети XIV вв.

ЖЕЛЕЗООБРАБАТЫВАЮЩИЙ КОМПЛЕКС В СРЕДНЕМ ГОРОДЕ ПСКОВА

В Пскове во время археологических раскопок довольно частыми находками являются остатки металлургического и железообрабатывающего ремесел, представленные шлаками и крицами. Они встречены почти в каждом раскопе города. В нескольких местах следы ремесла представлены не отдельными находками, а целыми комплексами.

Так, в течение полевых сезонов 1987—1988 гг. в раскопе XI на ул. Ленина исследовался комплекс построек, связанных с ремесленной деятельностью. Об этом прежде всего свидетельствует значительное количество шлака, залегавшего пластами в юго-западной части раскопа.

Всего было открыто пять построек, отнесенных к 7—8 ярусам. В восьмом ярусе прослежены остатки частокола почти по всему периметру усадьбы, части сруба и скопления шлака. Колья сохранились в высоту до 1,25 м, были вкопаны в частокольную канавку, которая прослеживается в юго-восточной части частокола в предматериковом песке. Размеры усадьбы 16×8 м.

В центральной и северной частях усадьбы зафиксированы скопления шлака мощностью до 0,6 м, представляющие собой спекшуюся массу серого цвета с синими и зеленоватыми включениями. Вес шлака, извлеченного с уровня 8 яруса, около 60 кг.

В юго-западном углу усадьбы обнаружены остатки сруба, ориентированного по оси север—юг, носящие следы огня. У западной стены сруба найден бронзовый пластинчатый браслет с загнутыми концами без орнамента (конец XI—50—60 г. XIV вв.). Особое значение для характеристики усадьбы имеет находка кузнечного молота-ручника, обнаруженного в 1,5 м к югу от упомянутого сруба (вес 1 кг, боек 3,5×2,7 см, длина 17,4 см). Также поблизости от сруба найдены бусина черная стеклянная с линейной волнистой инкрустацией (первая половина XIV в.), пружина от комбинированного замка (до середины XIV в.). Со скоплением шлака в центре усадьбы связаны находки кольца, изготовленного из обломка тупоконечного пластинчатого браслета, и литейная форма для отливки пуговиц.

Культурный слой в пределах усадьбы черного или темно-коричневого цвета с включением угля, золы, колотых обожженных камней, кусочков шлака и кое-где песка и глины. Очевидно, на уровне 8 яруса почти все постройки уничтожены пожаром.

Практически без перерыва на этом месте были возведены постройки, связанные со следующим периодом существования усадьбы. Они отнесены к 7 ярусу. Сохранилось несколько построек: два сруба, столбовая постройка, два настила, фрагменты частокола. Границы усадьбы были отодвинуты на 0,4—0,5 м к югу.

Центральное положение на усадьбе занимает сруб 27 — почти квадратная в плане постройка (3,7×3,3 м), однокамерная, ориентированная по оси север—юг. Сруб сохранился почти по всему периметру на один-два венца, имеет остатки переводин пола, рублен в обло с выпуском концов. В юго-восточном углу сруба сохранились остатки печи на столбовом опечке. Столбы опечки вкопаны по периметру почти вплотную друг к другу. Развал печи представлен скоплением шлака мощностью до 0,2 м, в котором встречены куски обожженной глины, угли, зола. Размеры печи 1,5×1,4 м.

При разборке конструкций сруба и рядом обнаружены обрывки кожаной обуви, заготовка грузила, несколько обломков деревянных предметов, костяной двусторонний гребень без орнамента, обломки цилиндрического навесного замка типа Г (XIII—XV вв.), обломок стержневого ключа от нутряного замка (XI — первая половина XIV вв.).

На расстоянии 2 м к северо-западу от сруба 27 открыты остатки сруба 20, вошедшего в раскоп неполностью. В пределах сруба прослежены конструкции пола (переводины и подкладки). С восточной стороны к срубам примыкает настил из трех мощных плах, конструктивно связанный со стеной сруба.

К северу от сруба 27 и к востоку от сруба 20 прослежен трехъярусный дворовый настил. Лаги настила ориентированы по оси север—юг, конструкции его точно вписываются в пространство между срубами 27 и 20. Нижний ярус настила почти полностью сгорел, средний сохранился в более целостном виде. Он был сложен из тонких жердей, опирающихся на лаги из бревен. Южная часть настила пострадала от огня. Оба яруса настила существовали одновременно со срубами 27 и 20 — нижний до первого пожара, уничтожившего постройку усадьбы, средний до последнего пожара, приведшего к уничтожению усадьбы.

В южной части усадьбы обнаружены крупная столбовая постройка и настил. Столбовая постройка занимала юго-восточный угол усадьбы. Ее размер 5×4,2 м. Сохранились столбы с пазами, в которые были вставлены горизонтально лежащие жерди, затесанные на концах.

В юго-восточном углу постройки открыты остатки небольшого сруба (2,8×2 м). В его пределах зафиксированы конструкции замощения из досок или плах. Сруб, а также жерди и верхние концы столбов-стояков несут сильные следы огня.

В пределах столбовой постройки на площади 4 кв. м открыты напластования шлака мощностью до 0,35 м. Они, несомненно, связаны с производственной деятельностью, осуществлявшейся здесь.

Постройка существовала одновременно с упомянутыми срубами и настилом.

В пределах постройки найдены ключ от деревянного замка, булава с петлеобразной головкой, два ножа, два шиферных пряслица и бронзовый тупоконечный пластинчатый браслет с орнаментом (до XIV в.).

К западу от столбовой постройки в юго-западном углу усадьбы обнаружен настил, покрытый мощным пластом шлака (до 0,4 м). Настил выложен из досок и плах, размеры его — 2×4 м. Он появился на усадьбе в период между двумя пожарами, т. к. сооружен из остатков конструкций сгоревших построек. При разборке настила и рядом с ним найдены обломок пластинчатого орнаментированного браслета, точильный брусок и две бусины — цилиндрическая ребристая зеленого стекла (до первой половины XIII в.) и черная стеклянная с белой спиральной волнистой инкрустацией (первая половина XIV в.).

На уровне 7 яруса в пределах усадьбы обнаружено около 60 кг шлака.

Пожаром уничтожены практически все постройки 7 яруса. После пожара усадьба уже не возродилась.

Отмечу еще одну находку, имеющую отношение к рассматриваемой усадьбе. Это круглый наждачный камень на деревянной оси, обнаруженный в столбовой, заглубленной в землю постройке, находившейся за пределами усадьбы на расстоянии 1 м. Эта постройка прекратила свое существование во время последнего пожара. Верхние концы столбов постройки несут следы огня. Обгорели также и концы деревянной оси, на которой был закреплен наждачный камень. Очевидно, после пожара, уничтожившего постройку усадьбы, камень был выброшен за ненадобностью.

Дендрохронологические даты 7 яруса этого района Пскова — первая половина XIV в., 8 яруса — конец XIII — начало XIV в.

Учитывая эту датировку, можно связывать гибель построек 7 и 8 ярусов с пожарами 1319—1320 г. и 1335 г., упоминаемыми в псковских летописях. В результате этих пожаров сгорело все Застье, т. е. территория, на которой находилась рассматриваемая усадьба. После пожара 1335 г. усадьба уже не возродилась. Можно предположить, что ее владельцы переселились на другое место. Известно, что в городах люди, деятельность которых была связана с огнем, селились чаще всего за пределами городских стен. Рассматриваемая территория оказалась внутри городских стен в 1309 г. Первоначально она находилась на территории посада. Видимо, ее владельцы после пожара вынуждены были переселиться за пределы укрепленной части города.

Находки, которые можно соотнести с 7-8 ярусами построек усадьбы, в целом хорошо соотносятся с датировкой ярусов. Верхние границы их бытования не выходят за пределы XIV в.

В итоге планировка усадьбы представляется таким образом. В центре находился жилой дом (сруб 27). Перед входом в него с северной стороны располагался настил. Постройки, связанные с ремесленной деятельностью, концентрировались в центральной и южной частях усадьбы. Это столбовая постройка со срубным опечком и настил, покрытый шлаком. Постройка может быть интерпретирована как кузница, настил — место для сбрасывания отходов производства. С кузнечным делом связана находка молота-

ручника, наждачного камня на деревянной оси и около тридцати железных предметов, найденных целиком или в обломках. Кроме того, на территории усадьбы обнаружено около 120 кг шлака. Следов железоплавильного производства не обнаружено.

С. Э. Козлов

ТОПОГРАФИЯ ИЗДЕЛИЙ ИЗ СТЕКЛА ИЗ РАСКОПОК ПСКОВА

Изучение топографии и пластографии изделий из стекла позволяет выяснить ряд вопросов, касающихся процессов формирования и хронологии культурного слоя Пскова.

Изделия из стекла упоминаются практически во всех работах, касающихся раскопок в Пскове. Единственная работа, посвященная изделиям из стекла как самостоятельному источнику — доклад Ю. Л. Щаповой и В. И. Лабутина «Стекло древнего Пскова» на археологическом семинаре в 1985 г.

Основой настоящего доклада служат материалы раскопа под зданием столовой Педагогического института 1968—1970, 1973—1974 гг. Обращение именно к этому раскопу обусловлено наличием публикаций по дендрохронологии и стратиграфии этого раскопа. Общая площадь раскопа 474 кв. м.

Методика работы: выявление перекопов и исключение находок, в них попавших, выявление одновременных сооружений и находок, относящихся к слою этих сооружений.

Сначала рассматривается залегание находок по пластам. Находки 21—13 пластов рассмотрены вместе, т. к. невозможно проследить смену ранних изделий более поздними. Выявлено, что 14—13 пласты можно считать ненарушенными и продатировать серединой — началом второй половины XIII в. Основанием для такой датировки служат киевские бусы (XII в. — 1240 г.) и дендрохронологические данные.

Сложная картина, складывающаяся в 12 пласте, хронологический разнобой находок из стекла и отсутствие дендродат не позволяют делать какие-либо определенные выводы.

11—9 пласты содержали находки в основном западноевропейского производства XIV—XVI вв. (бутылки, оконное стекло и фрагменты посуды).

Выводы по исследованию пластографии находок из стекла могут быть следующими: различие в датировках находок из стекла 21—13 пластов (от X до середины XIII в.) объясняется, вероятно, тем, что в период со второй половины XI до рубежа XII—XIII вв. освоение изучаемой территории велось настолько активно, что постоянно нарушался нижележащий слой, наличие в слоях начала XIV в. изделий из стекла западноевропейского производства говорит о том, что псковичи очень быстро начали приобретать стекло в Западной Европе.

Исследование топографии изделий из стекла начинается с рассмотрения находок, датирующихся X—первой четверти XI в. Они происходят из слоя курганного кладбища. Скопление изделий этого хронологического диапазона в северо-западной части раскопа (бусы, подковообразная фибула X—XI вв., наконечник стрелы — XI вв.) позволяет с большой степенью вероятности говорить том, что на месте этих находок был сnivelирован курган.

Дальнейшее изучение проводилось по выделенным А. Ф. Урьвой и Н. Б. Черных этапам застройки. Был добавлен к имеющимся период IIIA (третья четверть XIII — начало XIV в.).

Основные выводы следующие: киевские изделия из стекла (XII — 1240 г.) прекращают бытование в Пскове в третьей четверти XIII в.; 70% изделий из стекла находятся вблизи срубных построек или внутри них; материалы этапов застройки IIIA и IV позволяют заметить интересную деталь. Находки из стекла залегают в слоях дворов, на территории которых велась интенсивная застройка, имеются многочисленные индивидуальные находки. Но стекло появляется в ряду других находок только тогда, когда этих находок достаточно много.

Насколько закономерен указанный процесс и какие данные можно извлечь из него для изучения имущественной и социальной топографии Пскова — проблема, изучаемая в настоящее время.

Т. В. Круглова

ИНСТИТУТ ЦЕРКОВНЫХ СТАРОСТ В ПСКОВЕ

В свое время еще дореволюционные историки (И. Д. Беляев, А. Никитский, В. О. Ключевский, В. Смиречанский, Н. И. Серебрянский и др.) заметили своеобразное положение псковской церкви, которая находилась в непосредственной зависимости и под сильным влиянием светского общества. Эта зависимость берет свое начало со времени борьбы за политическую независимость от великого Новгорода и за церковную самостоятельность от новгородского архиепископа. Светское общество взяло на себя инициативу во всех конфликтах с владыкой. Духовенство было отодвинуто на второй план.

Одной из форм этого влияния стал институт церковных старост, непосредственно соединяющий приходскую общину с духовенством.

Институт церковных старост, избираемых членами прихода из своего состава, получил широкое распространение в Псковской земле. Впервые имена старост церкви Воскресенья Тарасия Анто-

В. В. Седов

ПСКОВСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В 1989 г.

Псковская экспедиция Института археологии Академии наук СССР и Псковского государственного объединенного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника вела крупные раскопочные исследования в Пскове в зоне распространения древнего культурного слоя — памятника истории и культуры, находящегося под охраной государства. Выбор места для раскопок был обусловлен исключительно планируемыми строительными работами. Археологические изыскания финансировались застройщиками.

Научный коллектив экспедиции составили сотрудники археологического и исторического отделов Псковского музея-заповедника А. А. Александров, Т. Е. Ершова, Т. Ю. Закурина, Е. С. Зубкова, М. И. Новикова, С. В. Степанов, Б. Н. Харлашов, преподаватели Псковского педагогического института И. О. Колосова и И. К. Лабутина, сотрудники Института археологии АН СССР Н. В. Лопатин, В. И. Кильдюшевский, С. В. Белецкий и Н. С. Сафронова, сотрудник Псковского центра научной реставрации и архитектурно-художественного творчества «Среда» К. М. Плоткин. Заместителями начальника экспедиции были И. К. Лабутина, Б. Н. Харлашов и Н. В. Лопатин.

Как и в прошлые годы, в раскопках в Пскове участвовало несколько сотен студентов из различных городов, в том числе студенческие отряды. Постоянными и активными участниками экспедиции являются студенты Псковского педагогического института и Ивановского университета. Трудовую практику на раскопках в Пскове прошли учащиеся многих школ г. Пскова.

Большую площадь (около 2000 кв. м) охватили исследования на ул. Ленина близ Педагогического института, где планируется строительство студенческих общежитий и административного здания. Здесь было четыре раскопа — X (руководители К. М. Плоткин и С. В. Степанов), XI (Т. Ю. Закурина), XIII (И. О. Колосова) и XIV (А. А. Александров). Работы на раскопах X, XI и XIII были начаты еще в 1986 г. и продолжены в 1987 и 1988 гг. В отчетном сезоне снимались нижние горизонты культурных напластований, которые датируются второй половиной XI—XII вв., а также исследовались остатки курганного городского некрополя, функционировавшего здесь в X — начале XI в. Раскопы были доведены до ма-

терика. Остался недоисследованным лишь восточный участок раскопа X.

Хорошая сохранность дерева предоставила возможность изучить множество сооружений — жилые и хозяйственные постройки, дворовые вымоски, частоколы, разграничившие дворы, колодцы, погребя. Собрана большая коллекция самых разнообразных вещевых находок, отражающих все стороны быта, культуры и хозяйственной деятельности псковичей.

Небольшой раскоп находился на ул. Детской в древнем Полощице. Здесь в 1988 г. при строительных работах на территории Псковоблкоммунэнерго был поврежден культурный слой. Работы были приостановлены и в 1989 г. заложен раскоп площадью 60 кв. м, которым руководили Т. Е. Ершова и С. В. Степанов. Изучался слой псковского посада XV—XVI вв. Важным представляется открытие в нижних горизонтах напластований с керамикой XII — начала XIII в.

Несколько раскопов располагалось на Запсковье. Раскоп по ул. О. Кошевого был заложен на месте планируемого строительства музыкальной школы. Его площадь — 578 кв. м (руководитель М. И. Новикова). Основная масса находок здесь относится к XVI—XVIII вв., свидетельствуя об относительно позднем освоении этого участка города. Вместе с тем, здесь встречены и фрагменты керамики XII в.

В. И. Кильдюшевский руководил двумя раскопами общей площадью 800 кв. м (при глубине слоя до 2 м), заложенными на ул. Первомайской, где предполагается строительство производственных зданий «Лентезиса». Исследовались напластования в основном XV—XVI вв.

На ул. Герцена были продолжены небольшие раскопки на месте планируемого строительства жилого дома (руководитель Т. Е. Ершова). Изучались напластования XV—XVI вв.

К. М. Плоткин возглавил археологическую шурфовку в связи с изучением палат Меньшиковых. В результате выяснено, что заселение Романовой горки началось в XIV в. Первый дом Меньшиковых построен был здесь в первой половине XVII в., второй — сразу после пожара 80-х годов XVII в.

В Изборске экспедиция продолжила раскопочные исследования вала в юго-западной части городища (руководитель Н. В. Лопатин). В нижних отложениях открыт въезд, функционирующий здесь с рубежа IX и X вв. до начала XIII в. Он был оформлен в виде захаба, облицован каменными и деревянными стенами и имел деревянную мостовую. В XIII в. после гибели захаба в результате пожара въезд в детинец здесь не возобновляется. Место это перекрывается насыпью вала, на вершине которого сооружается стена из плитнякового камня.

Отрядом экспедиции (начальник Б. Н. Харлашов) были произведены раскопки селища Выбуты, расположенного на левом берегу р. Великой выше Пскова и известного по письменным источ-

никам XIV—XVI вв. По преданию, здесь родилась княгиня Ольга. Раскопками выявлены культурные напластования второй половины I тыс. н. э. Следующий период функционирования здесь поселения определяется XIII—XIV вв., когда Выбуты становятся административным центром губы.

Н. В. Лопатин произвел небольшие раскопы поселения Лезги в Печорском р-не. Это — одно из немногих поселений культуры длинных курганов. Рядом расположен могильник, состоящий из длинных и круглых погребальных насыпей.

В составе экспедиции работали 2 разведывательных отряда. Одним из них руководил Б. Н. Харлашов, который в течение нескольких полевых сезонов ведет плодотворные разведки по теме «Древнерусские сельские поселения Псковской земли». В 1989 г. обследовались погосты — административные центры в срединной части Псковской области. Кроме селищ выявлено и описано 24 каменных креста и несколько курганных могильников. Второй разведывательный отряд возглавляла Т. Е. Ершова. Обследовались древнерусские памятники в Пыталовском р-не.

К. М. Плоткин, С. В. Степанов

РАСКОП X НА ул. ЛЕНИНА

В ходе полевого сезона 1989 г. продолжено изучение культурного слоя с глубины 4,4 м. После снятия 23—29 пластов основная часть раскопа (кроме двух участков в северо-восточной части) выведена на материк на глубине 5,4—5,8 м.

Продолжено изучение остатков деревянной застройки. Открыты нижние конструкции 14 срубных построек различного назначения, дворовые настилы, частоколы и заметы, относящиеся к 11—14 ярусам сооружений, датируемым XI—XII вв. Отметим стабильность местоположения большинства жилых домов и устойчивость в разграничении дворовых участков, начиная с первоначального периода постоянного заселения данной территории.

Отличием раскопа от других раскопов на ул. Ленина является отсутствие в нижней части культурных отложений мощного слоя песка, образовавшегося в результате разрушения насыпей курганного некрополя. Лишь в западном углу раскопа, на границе с раскопом XI встречены остатки курганной насыпи с ровиком (яма В), в заполнении которого встречены переотложенное скопление кальцинированных костей, фрагменты лепной и раннегончарной керамики, железная гривна с молоточком Тора, votивный железный топорик и другие находки, составляющие, по всей видимости, единый комплекс. По южной границе с раскопом XI также проходит курганный ровик, вдоль края которого прослежено несколько рядов столбовых и кольевых ям.

К северу и востоку от курганных ровиков материк представляет собой ровное плато плотного суглинка с валунами камнями, перекрытое слоем гумусированного песка (погребенный дерн) мощностью 0,1—0,2 м. На участках, примыкающих к ровикам, над ним прослежена еще одна прослойка песка, отделенная тонким слоем погребенного гумуса, представляющая собой результат размывания курганных насыпей.

Слой песка и материк прорезают ямы, комплексы находок которых датируются XI—XIII вв. Под слоем песка встречено несколько небольших ям, содержащих фрагменты керамики X — начала XI вв. При зачистке материка также встречены отдельные фрагменты лепной и раннегончарной керамики.

В процессе работ обнаружено 662 индивидуальные находки. Среди них отметим коллекцию литейных форм, связанных с существованием на протяжении XII—XIV вв. производственного комплекса, разнообразные украшения, среди которых несколько фрагментов стеклянных браслетов, пастовые, стеклянные и золотостеклянные бусы, бронзовый крест-складень с инкрустацией серебром, миниатюрный серп, писала, шпоры и псалии. Интересны находки дужки арбалетовидной фибулы и бочонковидной свинцовой весовой гирьки в бронзовой оправе с весовыми знаками на плоской стороне в форме концентрических кругов. В слоях XII — начала XIII в. встречено большое количество фрагментов амфор. Уникальной представляется находка каменной плитки с граффити.

Т. Ю. Закурина

РАСКОП XI НА ул. ЛЕНИНА

В 1989 г. были закончены работы на XI раскопе.

Исследованный участок составил часть большого раскопа, работы на котором были начаты в 1986 г. Площадь XI раскопа — 684 кв. м.

В 1989 г. в северной части раскопа доисследован культурный слой (21—27 пласты). В 21—24 пластах основу культурного слоя составляли органические остатки (древесный тлен, щепы и пр.). Ниже, на уровне соприкосновения культурного слоя с предматериком, характер культурного слоя изменился — значительными стали неорганические включения (песок, глина и пр.). При снятии нижних напластований культурного слоя исследованы остатки деревянных построек. Они представлены небольшими фрагментами срубов и частоколов и могут быть отнесены к 11—13 ярусам (рубеж XI—XII в. и XI в.). Фрагментарность остатков построек, отсутствие традиционности границ между усадьбами, прослеженной в верхних напластованиях, свидетельствуют о нерегулярности застройки на исследуемом участке в период его освоения.

никам XIV—XVI вв. По преданию, здесь родилась княгиня Ольга. Раскопками выявлены культурные напластования второй половины I тыс. н. э. Следующий период функционирования здесь поселения определяется XIII—XIV вв., когда Выбуты становятся административным центром губы.

Н. В. Лопатин произвел небольшие раскопы поселения Лезги в Печорском р-не. Это — одно из немногих поселений культуры длинных курганов. Рядом расположен могильник, состоящий из длинных и круглых погребальных насыпей.

В составе экспедиции работали 2 разведывательных отряда. Одним из них руководил Б. Н. Харлашов, который в течение несколько полевых сезонов ведет плодотворные разведки по теме «Древнерусские сельские поселения Псковской земли». В 1989 г. обследовались погосты — административные центры в срединной части Псковской области. Кроме селищ выявлено и описано 24 каменных креста и несколько курганных могильников. Второй разведывательный отряд возглавляла Т. Е. Ершова. Обследовались древнерусские памятники в Пыталовском р-не.

К. М. Плоткин, С. В. Степанов

РАСКОП X НА ул. ЛЕНИНА

В ходе полевого сезона 1989 г. продолжено изучение культурного слоя с глубины 4,4 м. После снятия 23—29 пластов основная часть раскопа (кроме двух участков в северо-восточной части) выведена на материк на глубине 5,4—5,8 м.

Продолжено изучение остатков деревянной застройки. Открыты нижние конструкции 14 срубных построек различного назначения, дворовые настилы, частоколы и заметы, относящиеся к 11—14 ярусам сооружений, датируемым XI—XII вв. Отметим стабильность местоположения большинства жилых домов и устойчивость в разграничении дворовых участков, начиная с первоначального периода постоянного заселения данной территории.

Отличием раскопа от других раскопов на ул. Ленина является отсутствие в нижней части культурных отложений мощного слоя песка, образовавшегося в результате разрушения насыпей курганного некрополя. Лишь в западном углу раскопа, на границе с раскопом XI встречены остатки курганной насыпи с ровиком (яма 8), в заполнении которого встречены переотложенное скопление кальцинированных костей, фрагменты лепной и раннегончарной керамики, железная гривна с молоточком Тора, votивный железный топорик и другие находки, составляющие, по всей видимости, единый комплекс. По южной границе с раскопом XI также проходит курганный ровик, вдоль края которого прослежено несколько рядов столбовых и кольевых ям.

К северу и востоку от курганных ровиков материк представляет собой ровное плато плотного суглинка с валунными камнями, перекрытое слоем гумусированного песка (погребенный дерн) мощностью 0,1—0,2 м. На участках, примыкающих к ровикам, над ним прослежена еще одна прослойка песка, отделенная тонким слоем погребенного гумуса, представляющая собой результат размывания курганных насыпей.

Слой песка и материк прорезают ямы, комплексы находок которых датируются XI—XIII вв. Под слоем песка встречено несколько небольших ям, содержащих фрагменты керамики X — начала XI вв. При зачистке материка также встречены отдельные фрагменты лепной и раннегончарной керамики.

В процессе работ обнаружено 662 индивидуальные находки. Среди них отметим коллекцию литейных форм, связанных с существованием на протяжении XII—XIV вв. производственного комплекса, разнообразные украшения, среди которых несколько фрагментов стеклянных браслетов, пастовые, стеклянные и золотостеклянные бусы, бронзовый крест-складень с инкрустацией серебром, миниатюрный серп, писала, шпоры и псалии. Интересны находки дужки арбалетовидной фибулы и бочковидной свинцовой весовой гирьки в бронзовой оправе с весовыми знаками на плоской стороне в форме концентрических кругов. В слоях XII — начала XIII в. встречено большое количество фрагментов амфор. Уникальной представляется находка каменной плитки с граффити.

Т. Ю. Закурина

РАСКОП XI НА ул. ЛЕНИНА

В 1989 г. были закончены работы на XI раскопе.

Исследованный участок составил часть большого раскопа, работы на котором были начаты в 1986 г. Площадь XI раскопа — 684 кв. м.

В 1989 г. в северной части раскопа доисследован культурный слой (21—27 пласты). В 21—24 пластах основу культурного слоя составляли органические остатки (древесный тлен, щепка и пр.). Ниже, на уровне соприкосновения культурного слоя с предматериком, характер культурного слоя изменился — значительными стали неорганические включения (песок, глина и пр.). При снятии нижних напластований культурного слоя исследованы остатки деревянных построек. Они представлены небольшими фрагментами срубов и частоколов и могут быть отнесены к 11—13 ярусам (рубеж XI—XII в. и XI в.). Фрагментарность остатков построек, отсутствие традиционности границ между усадьбами, прослеженной в верхних напластованиях, свидетельствуют о нерегулярности застройки на исследуемом участке в период его освоения.

РАСКОП XIII НА ул. ЛЕНИНА

В северо-восточной части раскопа доисследован ремесленный комплекс, связанный с литейным делом. Здесь найдены как готовые изделия (фибулы, перстни и пр.), так и отходы производства, а также орудия литейщиков (литейные формы, тигли и пр.).

Вещевой материал на раскопе оказался беден изделиями из кости и дерева; довольно частыми находками были шиферные пряслица и железные вещи. Отметим также значительное количество бусин (в том числе золотостеклянных) и несколько обломков амфор.

На всей площади раскопа исследованы напластования песка, связанные с периодом существования здесь курганного некрополя. В южной части раскопа в слое песка открыты остатки столбовой постройки, почти квадратной в плане, отнесенной к 11 ярусу. В пределах постройки найдены бронзовый пинцет, коромысло весов, молоток-гвоздодер, два ключа от навесных замков, обломок костяного гребня и т. д. Севернее постройки прослежен частокол, идущий с запада на восток, а также фрагменты частокола перпендикулярного направления. Восточнее постройки открыты остатки погребения 61, совершенного по обряду трупосожжения (скопление кальцинированных костей и слабые следы кострища).

В юго-западной части раскопа прослежены небольшие участки погребенного дерна и остатки сильно нарушенного и переотложенного погребения (скопления кальцинированных костей).

Мощность напластования песка в раскопе достигла от 1 до 5 пластов.

В песке и материке открыто 49 ям, связанных, в основном, с хозяйственной деятельностью на начальных этапах заселения участка после нивелировки насыпей некрополя. Некоторые из ям прослежены с верхних пластов и относятся к более позднему периоду. Вещевой материал из ям идентичен материалу из нижних напластований культурного слоя.

Всего в полевом сезоне 1989 г. собрано 310 индивидуальных находок. Среди них подковообразные фибулы с ромбовидными концами и загнутоконечные, обломок пряжки с орнаментом, близким скандинавским, обломки стеклянных браслетов и перстней.

В северной части раскопа исследован ров, идущий с востока на запад, с глубиной до 0,6 м, шириной до 2,8 м. Он заполнен темно-серым культурным слоем, довольно однородным, с редкими угольками. Находки в заполнении очень немногочисленны. Встречены фрагменты лепной керамики.

Рельеф участка, выявленный по окончании работ, оказался очень неровным, имеющим резкий уклон с юго-запада на северо-восток. Перепад высоты составил от 1,8 до 2 м.

Судя по топографии погребений, которые отсутствуют за северной границей раскопа, а также по рельефу местности данный участок можно считать периферией курганного некрополя. Очевидно, заселение этого участка происходило параллельно существованию некрополя уже в XI в.

В 1989 г. были завершены работы на раскопе, начатые в 1986 г. и продолженные в 1987—1988 гг. В 1988 г. в южной части раскопа зафиксирован материк, поэтому в течение настоящего полевого сезона исследовались центральная и северная части участка.

В северной части раскопа изучались постройки 12—15 строительных ярусов (пласты 21—27). Выяснилось, что граница между выявленными в 1986—1988 гг. северо-западным и северо-восточным дворами в основном оставалась стабильной. Большой интерес представляет сруб 62, отнесенный предварительно к 12 ярусу. Это рубленая «в обло» постройка шириной 2,8 м; северная ее часть уходила в стену раскопа. Постройка имела пол из досок; отопительное устройство не обнаружено. Под полом сруба находилось подвальное помещение столбовой конструкции с бревенчатым полом (обнаружены два слоя пола). Кроме того, в северной части раскопа выявлены два сруба, врезанные в полы курганных насыпей. Деревянные сооружения, изученные в 1989 г., можно датировать второй половиной XI—XII вв. Из вещевых находок, относящихся к этому времени, отметим большое количество пряслиц из розового шифера, костяные трапециевидные гребни, донца керамических сосудов с клеймами, ключи, детали замков, пастовые и стеклянные бусы, бисер.

После снятия культурного слоя, насыщенного органикой, на раскопе зачищался слой гумусированного песка светло-желтого и сероватого цвета, связанный с периодом функционирования и разрушения курганного кладбища X — начала XI вв. Работы по изучению слоя песка и погребений проводились по методике, разработанной И. К. Лабутиной; отметим, что исследование слоя песка осложнялось тем, что уровень грунтовых вод на исследованном участке был высоким. Продолжалось исследование курганной насыпи и ровика большого кургана (диаметр насыпи 12—14 м). В ровике выявлены (на разных его участках) 2—3 слоя погребенного дерна мощностью от 3 до 10 см каждый. Среди находок из этого ровика — керамика, кости животных (в том числе два лошадиных черепа, кости лошадей), детали весов, бронзовые гири. Часть этих находок связана, скорее всего, с основным погребением большого кургана; остатки этого погребения (№ 57) изучались в 1988 г.

В 1989 г. на раскопе XIII выявлены четыре погребения.

Погребение 62 открыто в западной части раскопа (кв. 512, 521) на уровне 20-го пласта при зачистке слоя гумусированного песка. В неглубокую материковую ямку была помещена погребальная урна, заполненная почти доверху кальцинированными костями с песком, углем, мелкими камешками. Наиболее крупные кости находились в средней и нижней частях горшка. Сверху кальцинированные кости в урне были прикрыты небольшим камнем. Рядом с урной в ямке находился горшок меньших размеров, заполненный

В северо-восточной части раскопа доисследован ремесленный комплекс, связанный с литейным делом. Здесь найдены как готовые изделия (фибулы, перстни и пр.), так и отходы производства, а также орудия литейщиков (литейные формы, тигли и пр.).

Вещевой материал на раскопе оказался беден изделиями из кости и дерева; довольно частыми находками были шиферные пряслица и железные вещи. Отметим также значительное количество бусин (в том числе золотостеклянных) и несколько обломков амфор.

На всей площади раскопа исследованы напластования песка, связанные с периодом существования здесь курганного некрополя. В южной части раскопа в слое песка открыты остатки столбовой постройки, почти квадратной в плане, отнесенной к 11 ярусу. В пределах постройки найдены бронзовый пинцет, коромысло весов, молоток-гвоздодер, два ключа от навесных замков, обломок костяного гребня и т. д. Севернее постройки прослежен частокол, идущий с запада на восток, а также фрагменты частокола перпендикулярного направления. Восточнее постройки открыты остатки погребения 61, совершенного по обряду трупосожжения (скопление кальцинированных костей и слабые следы кострища).

В юго-западной части раскопа прослежены небольшие участки погребенного дерна и остатки сильно нарушенного и переотложенного погребения (скопления кальцинированных костей).

Мощность напластования песка в раскопе достигла от 1 до 5 пластов.

В песке и материке открыто 49 ям, связанных, в основном, с хозяйственной деятельностью на начальных этапах заселения участка после нивелировки насыпей некрополя. Некоторые из ям прослежены с верхних пластов и относятся к более позднему периоду. Вещевой материал из ям идентичен материалу из нижних напластований культурного слоя.

Всего в полевом сезоне 1989 г. собрано 310 индивидуальных находок. Среди них подковообразные фибулы с ромбовидными концами и загнутоконечные, обломок пряжки с орнаментом, близким скандинавским, обломки стеклянных браслетов и перстней.

В северной части раскопа исследован ров, идущий с востока на запад, с глубиной до 0,6 м, шириной до 2,8 м. Он заполнен темно-серым культурным слоем, довольно однородным, с редкими угольками. Находки в заполнении очень немногочисленны. Встречены фрагменты лепной керамики.

Рельеф участка, выявленный по окончании работ, оказался очень неровным, имеющим резкий уклон с юго-запада на северо-восток. Перепад высоты составил от 1,8 до 2 м.

Судя по топографии погребений, которые отсутствуют за северной границей раскопа, а также по рельефу местности данный участок можно считать периферией курганного некрополя. Очевидно, заселение этого участка происходило параллельно существованию некрополя уже в XI в.

РАСКОП XIII НА ул. ЛЕНИНА

В 1989 г. были завершены работы на раскопе, начатые в 1986 г. продолженные в 1987—1988 гг. В 1988 г. в южной части раскопа зафиксирован материк, поэтому в течение настоящего полевого сезона исследовались центральная и северная части участка.

В северной части раскопа изучались постройки 12—15 строительных ярусов (пласты 21—27). Выяснилось, что граница между выявленными в 1986—1988 гг. северо-западным и северо-восточным валами в основном оставалась стабильной. Большой интерес представляет сруб 62, отнесенный предварительно к 12 ярусу. Это рубленая «в обло» постройка шириной 2,8 м; северная ее часть входила в стену раскопа. Постройка имела пол из досок; отопительное устройство не обнаружено. Под полом сруба находилось подвальное помещение столбовой конструкции с бревенчатым полом (обнаружены два слоя пола). Кроме того, в северной части раскопа выявлены два сруба, врезанные в полы курганных насыпей. Деревянные сооружения, изученные в 1989 г., можно датировать второй половиной XI—XII вв. Из вещевых находок, относящихся к этому времени, отметим большое количество пряслиц из оловянного шифера, костяные трапециевидные гребни, донца керамических сосудов с клеймами, ключи, детали замков, пастовые и стеклянные бусы, бисер.

После снятия культурного слоя, насыщенного органикой, на раскопе зачищался слой гумусированного песка светло-желтого и охристого цвета, связанный с периодом функционирования и разрушения курганного кладбища X—начала XI вв. Работы по изучению слоя песка и погребений проводились по методике, разработанной И. К. Лабутиной; отметим, что исследование слоя песка осложнялось тем, что уровень грунтовых вод на исследованном участке был высоким. Продолжалось исследование курганной насыпи и ровика большого кургана (диаметр насыпи 12—14 м). В ровике выявлены (на разных его участках) 2—3 слоя погребенного глина мощностью от 3 до 10 см каждый. Среди находок из этого ровика — керамика, кости животных (в том числе два лошадиных черепа, кости лошадей), детали весов, бронзовые гирьки. Часть этих находок связана, скорее всего, с основным погребением большого кургана; остатки этого погребения (№ 57) изучались в 1988 г.

В 1989 г. на раскопе XIII выявлены четыре погребения.

Погребение 62 открыто в западной части раскопа (кв. 512, 521) на уровне 20-го пласта при зачистке слоя гумусированного песка. В неглубокую материковую ямку была помещена погребальная урна, заполненная почти доверху кальцинированными костями с осколком, углем, мелкими камешками. Наиболее крупные кости находились в средней и нижней частях горшка. Сверху кальцинированные кости в урне были прикрыты небольшим камнем. Рядом с урной в ямке находился горшок меньших размеров, заполненный

светло-желтым песком с редкими включениями угольков. Содержимое горшка было закрыто деревянной крышечкой; от нее остался слой обугленной древесины. Погребение 62 связано с плохо сохранившейся курганной насыпью, находившейся к северо-западу от большого кургана и отделенной от него ровиком.

Остатки еще одной курганной насыпи выявлены на уровне 23—25 пластов в северной части раскопа. На западном склоне этой насыпи (кв. 489) обнаружено скопление кальцинированных костей и керамики, в том числе фрагменты донца сосуда (погребальные урны?) с прилипшими к нему кальцинированными костями, это погребение 63. Основным для курганной насыпи являлось погребение 65, нарушенное столбовой ямой. Скопление костей и керамики выявлено на уровне погребенного дерна (24—25 пласты) в северо-восточной части кв. 489. По границам скопления костей и керамики прослежены крупные фрагменты обугленных бревен, в то же время явные следы кострища отсутствуют.

Погребение 64 выявлено на уровне 26-го пласта в северо-восточной части раскопа (кв. 500). Здесь прослежены остатки курганной насыпи диаметром около 3 м и слабые следы погребенного дерна в основании кургана. Кальцинированные кости залегали на уровне погребенного дерна и в песке. Это погребение было также нарушено ямой. В скоплении костей найдены фрагменты керамики и оплавленный бронзовый предмет. С погребением 64 связаны остатки сгоревшей домовины — северный угол и части северо-восточной и северо-западной стен. Возможно, что погребение было совершено по обряду трупосожжения на месте; кроме следов домовины на это указывают слабые следы прокаленности материка.

В центральной части раскопа материк зафиксирован на уровне 19, 20—24, 25 пластов (последние отметки связаны уже с дном ровика, окружавшего большой курган). В северной части раскопа материк выявлен на уровне 25—27 пластов; здесь прослежены колодезные и подвальные ямы. Подтвердилось высказанное ранее предположение о значительном уклоне материка к северо-востоку: перепад в отметках материка между юго-западным и северо-западным углами раскопа составлял почти 3 м.

Раскоп XIII оказался одним из наиболее интересных участков, исследованных Псковской археологической экспедицией за последние годы. За четыре полевых сезона получены данные о планировке и застройке дворов, особенностях жилых и хозяйственных построек. Впервые стало возможным назвать имена жителей одного из дворов и определить не только их имущественное положение, но и социальный статус: в 1988 г. найдены две берестяные грамоты. С раскопом XIII связаны остатки погребений 56—59 и 62—65 некрополя Пскова X — начала XI вв. и вещевые находки, характеризующие этот памятник.

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК В РАЙОНЕ ул. ДЕТСКОЙ

Материал основывается на данных раскопов 1974, 1983 и 1989 гг., находившихся в районе улиц Детской и Советской. Все три раскопа размещались по правой стороне ул. Великой — одной из основных магистралей средневекового Пскова, — в 200—250 м южнее стены 1375 г. на территории Полонища, заселение которого по данным письменных источников относится к XIV в. Первые сведения о Полонище датируются 1323 г.

В 1367 г. Полонище горит. Пожар вызван очередным приходом немцев. Не утверждая того, что посадская застройка находилась именно на исследуемой раскопками территории, представляется оправданным считать, что она формируется или в западной прибрежной части Полонища, или же стягивается к основным Псковским магистралям — Трупеховской и Великой улицам. Во всяком случае, в известиях под 1417/18 гг. говорится о замощении Великой улицы вне стены 1375 г.

В 50 м западнее раскопа 1989 г. находится здание, которое Н. Ф. Окулич-Казарин в «Спутнике по древнему Пскову» называет «домом Жуковского». Дом перестроен, но нижняя его часть сохранила черты псковских палат XVII в.

Таким образом, имеются условные хронологические рамки, свидетельствующие о наличии здесь культурных отложений XIV—XVII вв.

В 1974 г. на углу улиц Детской и Калинина был заложен охранный раскоп, под руководством О. В. Овсянникова. На большей части культурный слой нарушен поздними постройками. В сохранившейся части открыты деревянные сооружения, которые автор делит на два хронологических горизонта. Более поздний датирован XVI—XVII вв. Древнейший относится к первоначальному освоению этой части территории в XIII—XIV вв. Основной датирующий материал — керамика из предматерикового слоя и из заполнения построек. Автор раскопа предполагает, что этот район Полонища впервые был заселен на рубеже XIII—XIV вв. и представлял собой окологородское поселение, тяготевшее к Пскову.

В 1983 г. продолжено изучение этой части территории Пскова под руководством В. П. Фролова. Культурный слой здесь также был нарушен фундаментами каменных зданий XIX в. Мощность культурных отложений достигала 1,5 м без учета верхнего балластного слоя. Керамический комплекс во всех пластах представлен как керамикой XVIII—XIX вв., так и керамикой XIII—XIV вв. Среди индивидуальных находок есть костяные гребни, шиферные пряслица, калачевидное кресало и наконечник стрелы. Однако находки этого вещевого материала сопровождалась в слое поздней

светло-желтым песком с редкими включениями угольков. Содержимое горшка было закрыто деревянной крышкой; от нее остался слой обугленной древесины. Погребение 62 связано с плохо сохранившейся курганной насыпью, находившейся к северо-западу от большого кургана и отделенной от него ровиком.

Остатки еще одной курганной насыпи выявлены на уровне 23—25 пластов в северной части раскопа. На западном склоне этой насыпи (кв. 489) обнаружено скопление кальцинированных костей и керамики, в том числе фрагменты донца сосуда (погребальныя урны?) с прилипшими к нему кальцинированными костями, это из погребение 63. Основным для курганной насыпи являлось погребение южное 65, нарушенное столбовой ямой. Скопление костей и керамики выявлено на уровне погребенного дерна (24—25 пласты) в северо-восточной части кв. 489. По границам скопления костей и керамики прослежены крупные фрагменты обугленных бревен, в то же время явные следы кострища отсутствуют.

Погребение 64 выявлено на уровне 26-го пласта в северо-восточной части раскопа (кв. 500). Здесь прослежены остатки курганной насыпи диаметром около 3 м и слабые следы погребенного дерна в основании кургана. Кальцинированные кости залегали на уровне погребенного дерна и в песке. Это погребение было также нарушено ямой. В скоплении костей найдены фрагменты керамики и оплавленный бронзовый предмет. С погребением 64 связаны остатки сгоревшей домовины — северный угол и части северо-восточной и северо-западной стен. Возможно, что погребение было совершено по обряду трупосожжения на месте; кроме следов домовины на это указывают слабые следы прокаленности материка.

В центральной части раскопа материк зафиксирован на уровне 19, 20—24, 25 пластов (последние отметки связаны уже с дном ровика, окружавшего большой курган). В северной части раскопа материк выявлен на уровне 25—27 пластов; здесь прослежены конические и подвальные ямы. Подтвердилось высказанное ранее предположение о значительном уклоне материка к северо-востоку. Перепад в отметках материка между юго-западным и северозападным углами раскопа составлял почти 3 м.

Раскоп XIII оказался одним из наиболее интересных участков исследованных Псковской археологической экспедицией за последние годы. За четыре полевых сезона получены данные о планировке и застройке дворов, особенностях жилых и хозяйственных построек. Впервые стало возможным назвать имена жителей одного из дворов и определить не только их имущественное положение, но и социальный статус: в 1988 г. найдены две берестяные грамоты. Сбыты раскопом XIII связаны остатки погребений 56—59 и 62—65 некрополя Пскова X — начала XI вв. и вещевые находки, характеризующие этот памятник.

керамикой. Лишь в нижних предматериковых слоях собран относительно чистый керамический комплекс XV—XVI вв.

В 1988 г. на территории организации «Облкоммунэнерго» руководством ее были проведены земляные работы, связанные с рытьем котлована под строительство нового здания цеха. Материалы по данному делу переданы в прокуратуру, однако возникла необходимость расширения пятна застройки. В 1989 г. к вырытому котловану сделана прирезка — раскоп площадью 60 кв. м.

Начальный цикл работ до глубины 1—1,5 м произведен бульдозером, все дальнейшие работы проводились вручную. Стратиграфически выделены три горизонта культурных отложений.

Верхний горизонт представлен отложениями, связанными с позднейшим строительством XVIII—XX вв. Слой содержит включения известняка, извести, песка, кирпичей и известнякового щебня. Найдено большое количество обломков кафеля рижского производства, фарфоровой посуды и стеклянных изделий. Мощность отложений этого периода составляет в среднем от 1,5 до 2 м, хотя в центральной и восточной частях раскопа они прорезают более ранние слои вплоть до материка. В этом горизонте открыт кирпичный колодец 40-х гг. XX в. Остатки каменных фундаментов, сложенных из известняковых плит на известковом растворе, датируемых началом XIX в., деревянный дренажный колодец каркасно-столбовой конструкции и развал печи, находящийся в нижней части этого горизонта. Керамический комплекс, помимо позднейшей керамики, представлен керамикой, имеющей обширный хронологический диапазон, начиная с древнерусского времени, хотя основная часть керамики относится к XVI—XVII вв.

Средний горизонт отложений культурного слоя мощностью 1—1,5 м датирован XV—XVII вв. От верхнего слоя он отличался более темным цветом, причем интенсивность темной окраски усиливалась по мере углубления раскопа. Сохранность слоя в хронологических рамках его накопления в разных концах раскопа была различной. В западной части слой сильно нарушен, что было хорошо заметно по его фактуре и по керамике, где обломки горшков XVI—XVII вв. залегали рядом или ниже керамики XV в. Лишь в самой западной части раскопа в предматериковых слоях собраны фрагменты керамики только XV в. Менее нарушенными представляются отложения в восточной части раскопа, что подтверждается открытиями здесь остатками по крайней мере трех строительных ярусов. Верхний ярус прослежен в виде обугленного деревянного настила, средний представлен остатками небольшого (длина стены около 1 м) бревенчатого сруба с креплением углов в технике «в обло» и остатками настила перед южной стеной. Нижний ярус, наиболее хорошо сохранившийся, состоял из сруба площадью около 2 кв. м, срубленного из плах и с креплением углов «в обло», деревянного желоба, составленного из полубревен и обрубков бревен, ориентировка которых согласуется с общей ориентировкой сооружений. Функциональное назначение данных конструкций не определяется,

хотя очевидно их хозяйственное назначение. Интересным представляется и тот факт, что сооружения этого яруса поставлены непосредственно на скалу, для чего потребовалось срезать почти метровые песчаные отложения. Собранный здесь керамический материал немногочислен и представлен фрагментами горшков XV — начала XVI вв. Характеризуя средний горизонт культурных отложений, отметим, что основное количество керамики его относится к XV—XVI вв., хотя есть находки более ранней керамики.

Нижний горизонт культурного слоя открыт в западной части раскопа на площади около 2 кв. м и имел среднюю мощность 0,2 м. В верхней части он перекрыт слоем угля толщиной 0,05—0,1 м, под которым находился гумусированный песок с включениями углей. В слое залегали обожженные валунные камни от 0,1 до 0,25 м в поперечнике. Керамический материал, содержащийся в слое, представлен исключительно фрагментами горшков XII — начала XIII вв. Здесь найдена нижняя часть горшка, заполненная железным шлаком.

Основываясь на материалах трех исследованных участков, представляется возможным сделать следующие выводы.

Интенсивное освоение данной территории происходит в XV—XVI вв., что подтверждается как данными археологии, так и историческими источниками. Сохранность культурных отложений этого времени различна. С одной стороны они сильно нарушены застройкой XVIII—XX вв., с другой — перекопами в хронологических рамках этого периода. Почвенные условия в данной части города в целом благоприятны для сохранения органики.

Активное заселение этой части Полонища в XV—XVI вв. нарушает культурные напластования XIII—XIV вв., на что указывает присутствие в слое как керамического, так и вещевого материала.

Первоначальное освоение данной территории, по всей видимости, относится к XII — началу XIII вв., что подтверждается открытием участка ненарушенного культурного слоя. Определенно говорить о характере заселений данной территории в XII—XIII вв. преждевременно. Вероятнее всего в этот период времени здесь находились отдельные дворовые хозяйства, число которых увеличивалось, что привело к росту околгородской слободы с последующим превращением ее в собственно городской посад.

М. И. Новикова

РАСКОПКИ НА ЗАПСКОВЬЕ НА ул. О. КОШЕВОГО

Перед началом строительства детской музыкальной школы на Запсковье на ул. О. Кошевого проводились археологические раскопки. Площадь раскопа — 578 кв. м. В XVIII—XIX вв. на этой территории отмечены сады и огороды, из построек — сарай.

РАСКОПКИ НА ул. ПЕРВОМАЙСКОЙ

Перед началом археологических работ слой был снят бульдозером на глубину 25 см в юго-западной части раскопа, до 120 см в северо-восточной. Этот слой однороден на всей площади раскопа — темно-коричневая рыхлая земля. В северо-восточной части — строительный мусор (битый кирпич, известняковый щебень). Такой же характер слоя выявлен и при снятии вручную. Лишь в северо-западной части раскопа зафиксировано большое количество корней деревьев. Из сооружений в раскопе выявлена только кирпичная кладка, возможно, для прокладки кабеля — два ряда кирпичей, поставленных на ребро. Скрепляющего раствора нет.

Массовый материал с уровня культурного слоя — кости и керамика, гвозди. Большая часть фрагментов керамики относится к XVI—XVII вв., но были и фрагменты XIV—XV и даже XII вв. Среди индивидуальных находок много кирпичей облицовочных, ножей железных. В северо-восточной части раскопа найдено много железных криц. Наиболее интересные индивидуальные находки: перстень из цветного металла со вставкой (XIV в.?), кочедык, железный светец, конек из кости, фибула бронзовая с гвоздевидными концами (XI—XIV вв.). Но следует отметить, что и ранние, и поздние находки выявлены на одном уровне. Это свидетельствует о том, что слой перекопан.

На уровне от 70 см в юго-западной части раскопа до 160 см в северо-восточной появился материк — песок желтого цвета. В материке вскрыто 133 ямы, углубленных на 10—110 см. В юго-западной части раскопа большое количество ям относится к XIX—XX вв. Некоторые из них времен Великой Отечественной войны. В их заполнении большое количество ржавых консервных банок, гильзы, немецкие бутылки, батарейки, снаряд и т. д. Но в этой части раскопа выявлена и яма 13 — погреб, массовые и индивидуальные находки которой датируют ее XVII—XVIII вв. Можно отметить горшок с расплавленным внутри железом.

В северо-восточной части раскопа выделяются ямы 70, 73, 75. Возможно, это — погреба. Заполнения их — темно-коричневая земля. Находки — кости животных, керамика XVI—XVII вв.

Интересны еще два ряда ям. Это траншея 81, пересекающая раскоп с юга-востока на северо-запад. Ее перекрывают 10 столбовых ям. В 4 м к северу-востоку от этого комплекса выявлено еще 6 столбовых ям, расположенных параллельно траншее. Возможно, все эти ямы составляют единый комплекс, пока не объяснимый. В заполнениях этих ям находок не встречено.

В заполнении ямы 31 найден развалившийся горшок, относящийся к XII в., из ямы 27 происходит бронзовая фибула спирале-конечная (X—XI вв.).

Таким образом основная масса находок относится к XVI—XVIII вв., то есть освоение данной территории происходит именно в это время. Но керамика XII в. и вещи, относящиеся к этому периоду, указывают, что, возможно, первые поселенцы появились здесь раньше.

В 1989 г. работами на Богоявленском 7 и 8 раскопах продолжались многолетние исследования восточных кварталов Запсковья. Раскопы заложены в непосредственной близости друг от друга, общая площадь их — 800 кв. м, мощность слоя — до 2 м. Слой сильно нарушен поздними перекопами, более или менее сохранился только в нижних пластах. Стратиграфически вычлениются три слоя: верхний, представленный строительным мусором и нивелировочными подсыпками XX в., средний — черный, гумусированный, обильно насыщенный включениями угольков, верхняя часть которого равномерно переотложена многолетней распашкой под огороды в XVIII—XIX вв., и нижний — серая предматериковая гумусированная супесь, прослеженная пятнами.

В юго-восточной части раскопа Богоявленский 7 в нижних пластах среднего слоя прослежены остатки деревянных построек (сохранились фрагментарно), погибших в сильном пожаре. Выделяются два строительных горизонта, последовательно сменивших друг друга. Постройки выявлены вдоль южной границы раскопа и отделены от остальной вскрытой площади остатками частоколов, зафиксированных материковыми канавками. Постройка представляет собой северную часть жилого квартала, исследовавшегося раскопками 1987 г. По керамическому материалу и единичным вещевым находкам открытые следы застройки могут быть датированы в пределах XVI—XVII вв.

На большей части исследованной площади следов жилой застройки не выявлено, но зато открыто большое количество хозяйственных ям, в том числе — остатки погреба XVII в., в заполнении которого содержатся фрагменты рухнувших деревянных перекрытий. В одной из ям XVII в. обнаружено более 10 развалов сосудов. Значительная часть исследованной территории, таким образом, являлась хозяйственной зоной, занимавшей пространство между жилыми кварталами, располагавшимися от нее к югу (ближе к трассе современной ул. Школьная) и к северу (между современной ул. Первомайская и руинированными остатками крепостной стены Окольного города).

В предматериковых отложениях культурного слоя собрано значительное количество керамики, относящейся к более раннему времени, чем исследованные остатки застройки. Преобладают материалы XV—XVI вв., но многочисленны также фрагменты керамики XV и XIV—XV вв. К этому времени относится ряд материковых ям, в том числе — остатки погреба, в заполнении которого, среди прочих находок обнаружена створка кустодия из оловянистого сплава. В центре ее плохо сохранившееся изображение (зверь?), окруженное растительным орнаментом. Подобные предметы, известные в Пскове по раскопкам на Полонище в 1978—1979 гг., датируются XV в.

Раскопки 1989 г. завершили десятилетний период интенсивных исследований восточной части средневекового Запсковья. Общая вскрытая здесь площадь приближается к 1 га, а хронология исследованных напластований охватывает период с X—XI вв. (Козьмодемьянский 2) и вплоть до XVIII—XIX вв. Частота размещения раскопов, расстояния между которыми в ряде случаев не превышают 25—30 м, и значительные площади сплошного вскрытия (до 2,2 тыс. кв. м) позволяют с редкой степенью детализации восстанавливать процесс освоения и динамику развития городской застройки на территории, превышающей 15 га. Подобные работы для древнерусских и шире — средневековых европейских городов до настоящего времени не могли проводиться из-за отсутствия достаточной источниковой базы.

Н. В. Лопатин, А. В. Яковлев

ИССЛЕДОВАНИЯ ВАЛА ИЗБОРСКОГО ГОРОДИЩА

Раскоп на валу площадью 68 кв. м, изучавшийся в 1988—1989 гг. и законсервированный до сезона 1990 г. на уровне нижнего горизонта каменной стены, примыкал с юга и востока к раскопу 1987 г., с юга — к траншее 1986 г., с запада — к раскопу 1974 г. на площадке городища.

В нижнем горизонте укреплений (рубеж IX—X вв.) раскопана стена из известняковых блоков, проходившая вдоль обрыва и прерывавшаяся въездными воротами, северный край которых исследован в 1987 г. Въезд шириной 2 м был оформлен в виде небольшого захоба. Длина его южной стены — более 7 м, в том числе каменного участка — 5 м. Деревянная стена, продолжавшая каменную, реконструируется по канавке, укрепленной вертикально поставленными плитняковыми камнями. Въезд имел деревянную мостовую; выявлены обугленные остатки лаг и плах.

К X в. относится частичное разрушение стены: фасад, обращенный к обрыву, засыпан грунтом, содержащим исключительно лепную керамику. Здесь же найдена кубическая бусина из голубого прозрачного стекла, верхний предел бытования которой не выходит за X в. Поверхность земляного откоса перекрыта развалом известняковых блоков.

К следующему горизонту (вероятная датировка — XI в.) при сохранении планировки съезда относится ремонт каменной стены с помощью деревянной облицовкой фасада, фланкирующей мостовую. В наслоениях этого горизонта на долю лепной керамики приходится 20—25%, отсюда же происходят три стеклянные бусины, наибольшее распространение которых падает на X—XI вв. Следует отметить, что вещевые комплексы данного и последующих горизонтов в той или иной степени перемешаны.

В XII — начале XIII вв. въезд сохраняется на прежнем месте.

Пришедшая в негодность каменная стена перекрыта насыпью вала из известнякового щебня, поверх которого на краю въезда возведено сооружение из бревен, каменных блоков и глины.

После гибели сооружения в пожаре и выравнивания участка с его остатками (XIII в.) въезд на старом месте уже не возобновлялся, перекрытый насыпью вала верхнего горизонта. К этому периоду относится известняковая кладка, проходившая по гребню вала и служившая, вероятно, для придания его внешнему склону отвесности. В верхнем горизонте насыпи вала собрана почти исключительно керамика XIII — начала XIV вв.

В ходе работ обнаружено более 300 вещевых находок (керамика, железные бытовые предметы, стеклянные бусы, бронзовые украшения и др.). Непосредственно под дерном найдены две серебряные псковские деньги 1460 — 1490-х гг. Из предметов вооружения отметим три наконечника арбалетных стрел, обломок шпоры, железный наносник от шлема.

Б. Н. Харлашов

ИССЛЕДОВАНИЯ СЕЛИЩА В ВЫБУТАХ

Выбуты известны в исторической литературе, как легендарная родина княгини Ольги, жены князя Игоря. Предание о встрече Игоря с Ольгой на выбутских порогах впервые появилось в Степенной книге царского родословия и послужило основой для различных исторических построений, связанных с происхождением киевской княгини.

На страницах псковских летописей село Выбуты впервые упоминается под 1393 годом в сообщении о походе новгородцев на Псков и их поражении близ Выбут. Впоследствии, в 1407, 1480 и 1503 годах Выбуты встречаются в известиях, связанных с военными действиями против ливонцев на бродах. Через брод на Выбутских порогах проходила одна из дорог к Пскову, позволявших подойти к городу со стороны Полонища. Существование погоста Выбуты в XV в. подтверждается духовной грамотой Никиты Хома, завещавшего Кукусово сиденье в Выбуте сыну. Грамота датирована исследователями 1491—1496 гг.

Погост, имевший богатую событиями историю, связываемый легендой с Ольгой, издавна привлекал внимание археологов, изучавших в основном древние могильники в его окрестностях (Н. Т. Соколов, 1878; В. Н. Глазов, 1903; В. Н. Крейтон, 1913; Б. А. Кошневский, 1928; В. А. Тюленев, 1976—1977; И. О. Колосова, 1978).

В 1987—1989 гг. были предприняты небольшие раскопки на погостском селище в Выбутах. Селище вытянуто вдоль левого берега реки к западу от церкви Ильи Пророка. Древнее поселение занимало мыс между Великой и впадавшим в нее ручьем, который ог-